

София
Март

Острая
вранка

София Март

Острая кромка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21230932
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Москва даст тебе всё и пустоту. И ты сам должен будешь решать, чем ее заполнять. Эта повесть – о поиске равновесия во время пути вдоль острой кромки реальности, от которой периодически отрываются огромные пласты того, что было дорого и казалось незыблемым – но вот оно надламывается и уходит в прошлое. Эта повесть о том, как дорога возникает под ногами идущего. Каждый герой живет в своем огромном городе, как умеет, впервые сталкиваясь с взрослением и одиночеством, преодолевая новые сложности. У каждого есть опции to be or not to be и список причин, по которым они выбирают из двух первую и остаются в Москве, чтобы быть.

София Март

Острая кромка

Он вызывал ребят по двое в комнату, и что там происходило, никто из нас, ждавших в коридоре своей очереди, не знал и даже не догадывался. Мы только видели, что в комнате выключен свет, и слышали оттуда сначала тишину, а потом испуганные крики.

Настал мой черед. В комнате нас было трое: я, Вова из параллельной группы и он. Мы сидели за столом, на столе горела свеча. У незнакомца был тихий усыпляющий голос и борода – тонкая струйка сухих волос, доходящих до середины шеи. Он сказал: «Проведи рукой по пламени, как я». И провел ладонью прямо сквозь язычок огня. Медленно и бесстрашно.

Он говорил очень тихо, и от этой тишины, помноженной на темноту вокруг, было так жутко, что хотелось кричать. Вова ерзал на стуле и мотал головой. Высокий худой дядька в черном пиджаке взял мою руку и сказал открыть ладонь. Добавил, что нас не выпустят, пока мы не сделаем то, чего он хочет. Другие ребята выходили из комнаты с черными отметинами на ладонях – теперь я знала, почему.

Я глубоко вдохнула, занесла ладошку повыше над свечой и стала медленно приближать руку. С каждой секундой – жарче и страшнее. Тогда он сказал, что кончик пламени са-

мый горячий, к тому же я его боюсь, а чем ближе подходишь к тому, чего боишься, тем становится больше и невозможнее терпеть.

«Проведи рукой через пламя, как я», – сказал он. И я это сделала. Быстро.

...Я будто гладила свечу по голове. По рыжему вихру – хоп-хоп. Против шерсти. Оказалось, это легко.

The only way out is through – так называется моя любимая песня. Мне было пять лет, когда я поняла, что пройти можно только «через», и что иначе меня не выпустят.

* * *

Я загадала на поезд: не успею – не перееду. Спокойно приехала домой с работы, поужинала, сходила в душ, поговорила с папой. Бросила в легкую сумку зубную щетку с пастой, белье, футболку, в которой буду спать в поезде. Села в машин «Пежо». Мы лавировали между машин, ревели мотором. Встряв в пробку перед площадью Восстания, мама повернулась ко мне с сказала: «Знаешь, что, моя дорогая». Да, вот оно, привычное мамино черное и тягучее, как вакса, оно с чавканьем разлилось у меня внутри. Я ответила: «Прости, спасибо. Дальше я сама», – поцеловала ее в щеку, схватила сумку и выскочила из машины.

Через вокзал бежала на каблуках между встречающими, провожающими, тележками, сумками, ларьками. Запах гари,

автомобилей, шавермы, грязи. В сдавленную грудь будто совсем не поступал воздух – задыхаясь, я не могла понять, почему так стараюсь. Но бежала все равно. Это так на меня похоже.

Влетев на перрон и едва переведя дух, я увидела свой поезд. Два красных огонька по бокам последнего вагона. Люди отвернулись от него, как от прокаженного. «Стоишь тут, значит», – подумала я и снова пустилась со всех ног.

Запрыгнув на подножку последнего вагона, я сделала вдох – кажется, такой же болезненный, как первый в жизни. В рту пересохло, я стала кашлять, прошла внутрь. Поезд тронулся. Передо мной женщина, такая же запыхавшаяся, показала проводнице билет и сказала, что ей в тринадцатый вагон. Через мгновение тонкие цикламеновые губы потребовали предъявить мой билет. Я выдавила из себя: «То же... самое». Проводница ответила: «Нет, девушка. Не то же самое».

Я согласилась. У меня не то же самое. Показала ей билет в свой тринадцатый вагон. Проводница захлопнула за моей спиной тяжелую железную дверь, скрипнули засовы. Я дошла до своего места. Села и подумала, что успела. Успела, значит, вот и решение. Позвонила Ване.

Вагон был зачем-то тринадцатый. Не седьмой, не девятый... Подошел контролер. Говоря по телефону, я протянула ему паспорт с билетами в оба конца. Он надорвал один из них и округлил глаза. Пояснил, что надорвал обратный

билет по ошибке.

Так на руках у меня оказался только один действительный билет. Туда.

У меня было время, чтобы привыкнуть к мысли о переезде. Я защитила диплом на факультете журналистики петербургского университета, уволилась с работы, провела отличное беззаботное лето и поступила в московский Литературный институт. Это было самое нелогичное, самое дурацкое решение в моей жизни. Я не могла достойно обосновать его даже себе, поэтому никому ничего не объясняла. Загадала на поезд и переехала с одной легкой сумкой в руках.

Квартиру в Москве для меня нашел Ваня. Уставшая «однушка» со скрипучими половицами, темными дверьми и засаленными обоями. Рассохшаяся мебель советского образца, пыльные старые окна, потолки с желтыми потеками, черный грибок на стенах ванной.

В квартире, казалось, до нашего прихода шли бои. Обои наполовину ободраны, поперек кухни стоял уголок, на пыльном столе перевернутая табуретка, в раковине таз с заплесневелой посудой. В единственной комнате на диване лежали вывернутые на изнанку треники с пузырями на коленках. Я подняла их брезгливо двумя пальцами и скинула с дивана на пол, подняв облачко пыли. Ощувив тошноту, с трудом открыла балконную дверь, деревянную с серым от грязи стек-

лом, старалась не прикасаться к посеребренным занавескам.

– Погоди, – улыбнулся Ваня. – Ингуш, согласен, бабушкин вариант, но других квартир за эти деньги здесь не было. И времени тоже.

– Не называй меня «ингуш», пожалуйста, – попросила я.

– А мне нравится, – Ваня поцеловал меня в висок. – Хозяева хотели сделать ремонт перед тем, как сдать квартиру. Собственно, они и начали, а тут я ворвался. Ну что, давай распаковываться?

– Сначала мне нужны тряпки.

Занятия в Литературном институте начинались через две недели, которые мне предстояло потратить на уборку. От моего нового дома можно было дойти пешком до станции метро «Юго- Западная». Зеленые аллеи, холмистые улицы, общежития РУДН. Элитная окраина, как говорил об этих местах Ваня, и всего в паре остановок от дома, где он жил вместе с семьей его старшего брата.

В квартире было все необходимое: стиральная машинка, холодильник, шербатая посуда и даже деформированные сковородки и кастрюли – впрочем, пригодные. Я вымыла их и убрала в шкаф подальше, решив купить свою посуду.

Возле метро было круглосуточное кафе. В первые дни я ходила туда ужинать: появлялась ближе к ночи, когда приезжал Ваня. Мы садились за столик у окна, он говорил, где в округе можно купить уют, где кастрюли. Потом отвозил

меня обратно в квартиру и уезжал. А я набрасывала кофту на плечи и выходила курить на балкон.

Вид с треугольного балкона моего девятого этажа открывался отличный: на детскую площадку и кроны берез вокруг. Даже днем здесь было довольно тихо, а по утрам пели птицы. Ночью я смотрела на мерцающие огни самолетов, которые летели из Внуково и перемигивались надо мной вместо звезд.

Было начало октября. Московское чужое солнце за день нагревало квартиру так, что спать можно было без одеяла. За первые две недели я все отмыла, выкинула хлам, который меня раздражал. Среди прочего вынесла на лестничную площадку огромный подвядший цветок в пластмассовом ведре. Спустя неделю узнала, что в простонародье его называют «женским счастьем».

Когда началась учеба, днем я искала работу, а вечером ездила на занятия в Лит, после которых меня встречал Ваня.

Моя Москва началась на Большой Бронной в Литературном институте – в особняке, где родился Герцен, работал Горький, жил Платонов и Мандельштам. Первыми моими знакомыми стали однокурсники.

Скоро я узнала, что в этом городе при знакомстве с кем-то новым после «Как тебя зовут?» и «Чем ты занимаешься?» всегда уместно спросить: «Откуда ты приехал?». В таком изобилии менталитетов и фенотипов есть плюс: найти

здесь друзей оказалось гораздо легче, чем в городах, где семьи поколениями остаются на одном месте, проживая относительно линейную историю без необходимости создавать круг друзей «с нуля».

* * *

Когда я впервые увидела Диму, он стоял в Литовском сквере: чуть сутулый, невысокий, руки в брюки. Кудрявый блондин в черной кожаной куртке, светлые бирюзовые глаза, красивая улыбка. Он курил, разговаривая с хрупкой девушкой, они смеялись.

– Эй, ты меня слышишь? – сжал мою руку Ваня.

– Извини, засмотрелась, – сказала я, торопливо высвободив свои пальцы, чтобы порыться в сумке.

– На кого?

– Мне кажется, это мои будущие однокурсники, – ответила я, выудив сигареты, и направилась к ним.

– Привет. Извините, у вас не будет зажигалки? – Сутулый молодой человек молча дал мне прикурить. – Спасибо. Вы случайно не на первом курсе?

– На первом. Ты тоже с высших литературных? – ответила мне девушка.

– Да. Я Инга.

Девушку звали Люба, на вид ей было чуть больше тридцати. Приехала в Москву несколько лет назад вместе с мужем

и дочкой, в Лите решила учиться для себя, писательство было любимым хобби. Дима был примерно моего возраста. По образованию геолог, по призванию – любитель экстремального спорта и литературы, родом из Симеиза. Мечтал сменить профессию.

Я смотрела в его ясные глаза и думала, до чего же он красив. И что такие глаза бывают только у тех, кто привык быть с морем на «ты», поскольку вырос под его бирюзовым боком.

Ваня тоже вырос в Крыму и был красив настолько, что наши общие друзья называли его «куколка». Он на это страшно злился и потому всячески подчеркивал свою маскулинность: ходил вразвалку, глубоко затягивался, умел смачно сплюнуть и развесисто выругаться. Мы ездили на полуостров навещать его родителей каждое лето, любили ночевать в палатках на Тарханкуте или где-нибудь в горах, лазали по сталактитовым пещерам. Я любила его. Ваня стоял за моим плечом молча – только Диме руку пожал, когда мы познакомились.

Пора было идти на первую пару. Ваня демонстративно поцеловал меня в губы при всех и сказал на ухо: «Тихонечко себя води». Я молча улыбнулась в ответ и ушла.

Осень пролетала мимо, быстро. Однажды я шла от метро домой и вдруг остановилась перед красным кленом, который стоял нарядный в окружении совершенно голых кустов. Я смотрела на него и не могла вспомнить, как он выглядел,

пока был желтым, рыжим, пока вокруг него желтели и опали листья с кустов. Ведь когда я приехала, листья на них еще были. Зеленые.

Выпал первый снег. Во дворе моего дома стало очень уютно: узкая улочка, деревья по обе стороны дороги, заснеженные козырьки над входами в подъезды, дети играли в снежки на площадке.

Я почти не видела города. В ноябре, едва освоившись, вышла на работу: стала редактором корпоративного журнала в ювелирном доме. Из офиса ехала в институт, там торчала до позднего вечера, домой приезжала без сил. География моих передвижений была до неприличия мала: каждый день я описывала круг дом-работа-институт-дом. На выходных мы с Ваней то сбегали на дачу, то ездили в ближайшее кафе к друзьям, приглашали их ко мне в гости (все наши друзья, москвичи, жили тогда с родителями). Иногда мы ходили в ближайший к дому кинотеатр или ехали в Тропаревский парк гулять. Мы жили, то есть, проводили все свободное время, на «Юго-Западной».

Я не могла взять в толк, что правда – переехала. Над входом в соседний дом висел медный портфель с торчащим из него дубовым веником. На нем надпись: «Здесь жил Же-ня Лукашин», – герой фильма «Ирония судьбы». «Надину» квартиру снимали в соседнем доме. И на самом деле «Третью улицу строителей» и в Петербурге, и в Москве играл квартал новостроек по проспекту Вернадского. Ваня рассказал мне

об этом, когда мы впервые прошлись пешком по окрестностям. Я узнала Тропаревскую церковь – мимо нее Женя в фильме идет невеселый, твердя слова из «Баллады в прокуренном вагоне». Мы с Ваней любили этот фильм. Нам казалось, он подтверждает: Петербург и Москва навечно пожены, как мы.

Я много готовила для гостей, мыла горы посуды, наводила порядок без конца. Видела Москву из окна Ваниного автомобиля или же изучала ее в метро, где путалась в переходах. В первые месяцы метро было сущим кошмаром: я могла проехать нужную станцию, зачитавшись книгой и сидя в наушниках, после чего долго не могла понять, где я и как отсюда выбираться. Все время опаздывала, со смехом рассказывала о своих приключениях и чувствовала себя довольно бестолковой.

* * *

Была холодная декабрьская ночь, я в очередной раз ехала в Петербург на выходные. Поезд «Москва – Петербург», стук колес и особый запах поездной гари мне были уже привычны, как третий, эфемерный, дом. В «не сезон» я часто оказывалась в купе одна, без попутчиков – как сейчас. Любила выпить стакан чая с лимоном, выкурить сигарету в тамбуре, слушая плеер и глядя на мелькающие огни за окном, а затем лечь спать и проснуться за десять минут до прибытия.

Я застелила и собралась выйти покурить перед сном, когда ко мне зашла проводница. В соседнем «женском» купе случился скандал: к ним затесался мужчина. Проводница попросила меня приютить невезучего, чтобы он не таскался с сумками по вагонам. Я согласилась.

Через минуту в дверях появился Дима. В красном пуховике и горчичного цвета штанах.

– Доброй ночи, – сказал, протискиваясь с сумкой между сидений и не глядя на меня.

– Здравствуйте, – хохотнула я.

– Ух ты, – он вдруг смутился. – Привет.

– Привет.

Сели. Обсудили погоду, пробки, вокзал. Попросили чаю.

– Ты какими судьбами? – спросил Дима.

– Я часто езжу в Питер. Примерно раз в две-три недели.

Родители, друзья, вот это все. А ты?

– В воскресенье бегу марафон.

– Что, серьезно? Бегом? В минус тринадцать?

– Да.

– А сколько?

– Сорок два километра.

– Со-рок-два-кило-метра?!

– Ну да.

– Слушай... А зачем?.. – Спросила я с искренним интересом. – Ну, по крайней мере, зачем столько? Можно же пять пробежать.

– Ну... Я даже затрудняюсь ответить.

– Хорошо, – возбудилась я. – Зачем идейные бегут, я понимаю. Зачем солдаты – знаю. Зачем мальчики с пушкой над верхней губой – предположим, догадываюсь. Но когда уже большой и всем все давно доказавший, не знаю. Кажется, никогда не пойму мужской любви к изнурительным штукам вроде этой.

– Ты зря, – возразил Дима, – Это интересный опыт. Бежишь всю дорогу, дышишь носом, если не хватает воздуха, язык приподнимаешь и дышишь ртом. Тогда не простынешь. Думаешь обо всем этом, бежишь. Устал – упал.

– Лицом в сугроб.

– Да!

– Красота.

– Да нет, – Он потер лоб ладошкой. – На самом деле всю дорогу бежишь и думаешь, что – как дурак, честное слово. И вдруг замечаешь, что бежишь и улыбаешься. Понимаешь, эндорфин. Ближе к финишу – адреналин. Да и вообще, это отличный способ узнать, на что ты способен.

– Да?..

– Пойдем в вагон-ресторан?

– А что там?

– Коньяк.

– А не закрыто?

– Не думаю. Раньше мы с приятелями если ездили в Питер на поезде, то всю дорогу там сидели. Я же мэр вагона-

ресторана!

– Очень приятно. Жозефина.

Было примерно два часа ночи, когда мы вошли в вагон-ресторан.

– А почему без оркестра мэра встречают? Прости, все-таки, что это значит? – поинтересовалась я.

– Ну вот, а еще пользователь соцсетей. Это же спорт такой раньше был – кто больше всех раз зачекинился в каком-то кафе, становился мэром этого места. Приложение такое есть: Foursquare.

– О. Этим я еще не болела.

– Попробуй.

– А зачем?..

– Хм, хм, – усмехнулся Дима. – Неудобные ты задаешь вопросы. Разве ты все в жизни делаешь с определенной целью?

– Хм, хм, – с той же интонацией ответила ему я и не нашлась, что еще сказать.

Принесли виски.

– Кажется, когда-то я это уже пила.

– В чистом виде?

– Кажется, да.

– И впрямь немудрено забыть.

– Попроси, пожалуйста, колу.

– Да, с ней можно что угодно пить. Только водку не стоит.

– Слова не мальчика, но мужа.

За соседним столиком начались братания и пьяный спор про футболистов.

– Извини. Я не знал.

– Хуже всего, что это опять наши, – ответила я, бросив короткий взгляд на наших соседей.

– Кто, «наши»?

– Украинцы.

– Ты украинка?

– Да.

– Почему «опять»?

– Сидели на днях с Любой в кафе – французском. Бумажные скатерти, тесные столики, все соседи как родные. Рядом сидит парень – чернявый, с залысинами. Рисует на скатерти карандашом. Отлично, притом, рисует – успела заметить я, снимая пальто. Оценила лысеющий блестящий затылок и решила: армянин.

– Женская логика.

– О мужской вообще никто не слышал. Я работаю в ювелирном доме, и все лучшие художники у нас – армяне. Серьезно. Ну, не смейся. И вот сидит он, значит, рядом, а Люба говорит – он с Западной Украины. Я утверждаю, что не может быть. Армянин же, решено ведь. А у него в это время звонит телефон, и он начинает туда тараторить. И когда он начал по матушке все пояснять, я поняла, что таки да. Наш. Я родилась во Львове, у меня там много родных, и я знаю, о чем говорю. А рисует он хорошо и выглядит так вырази-

тельно, потому что в семье не без еврея.

– Хе- хе.

– Решили убедиться. Спрашиваю: откуда? Точно. Из Ивано-Франковска. Дальше – я впервые видела человека, который говорит больше и быстрее, чем я. Когда он сел на любимого конька про москалей-украинцев-гуцулов-евреев, я поняла, что спорить со мной не все рискуют не потому, что я права, а потому, что отдача, очевидно, замучает.

– И правда, что.

– И забыли, ладно? Но... он так много говорил. Что я подумала...

В этот момент за соседним столом знатоки футбола громко расцеловались. Я посмотрела на них и сказала.

– Знаешь, раньше я записывала пьяные диалоги. Мужское соленое слово. Все такое.

– Потом перестала?

– Ага.

– Поняла, что список тем ограничен?

– Точно.

– Список тем для мужских разговоров, как и список сюжетов в литературе... Сколько их там?

– Кажется, не больше двадцати.

– Примерно по этой причине я перестал напиваться с друзьями до икоты...

– Уважаю.

– Теперь мы курим траву. Хм. А этот, который много го-

ворил. Что ты подумала?

– Да, извини, – опомнилась я. – Мне стало интересно, почему у него вдруг открылись шлюзы. Ведь сидел же раньше, никого не трогал, не тянуло его поговорить. А тут – целая лекция, будто... Не знаю. Думаю, это про то же, что у этих футболистов рядом. Иллюзия вожаемой общности. Мне каждый раз кажется, что она не про взрослых людей, а про подростков – определять себя через группу, к которой принадлежишь, и пытаться размазать всех представителей других групп.

Кола кончилась. Виски тоже. За соседним столом обозвали Малафеева, наметился повод для драки.

Дима спросил:

– Продолжать будем?

– Думаю, нет. Боюсь окончания банкета.

– Ты про соседний столик или про наш?

– Проси счет, – улыбнулась я.

В прокуренном тамбуре он, затягиваясь, сказал.

– В группах легче самоутверждаться. Круг сужен, тебе не нужно побеждать целый мир, достаточно показать, что ты крутой, вполне определенному числу лиц. И все. Ты мужчина.

– Хорошо, когда ты сам выбираешь эти лица и признаешь их мнение авторитетным, – кивнула я. – Но ведь чаще это выливается в социальные сети и закрывание гештальтов десятилетней давности.

– Что ты имеешь в виду?

– Недавно в очередной раз стучится ко мне бывшая одноклассница, с которой мы друг друга, мягко говоря, не очень уважаем. А тут: «Привет, дорогая, как твои дела, как успехи». По опыту, наверняка она внезапно чего-то добилась – хотя бы, может, вышла замуж – и теперь ей надо похвастаться. Иначе зачем меня поминать-то всуе, на ночь глядя, вот скажи?

– Ну, я иногда откапываю ненужных людей, когда они вдруг становятся нужными. Смотрю страницу, узнаю все новости, задаю вопросы по теме, имитирую интерес.

– Фу, – поморщилась я.

– Не мы такие, жизнь такая.

– И что, неужели это работает?

– Люди любят, когда ими интересуются.

Вернулись в купе, свет включать не стали. Дверь открыли пошире. Попросили у проводника чаю.

– А ты часто ездишь в Питер?

– Как-то так... получается, – пожала плечами я.

– Меня домой уже не тянет. Да и не к кому, по большому счету.

– Наверное, ты уехал давно, друзья все в Москве. А у меня все в Питере остались. По школоте я тоже не скучаю. За редким исключением.

Проводник принес чай. Поставил на стол. Захлопнул дверь. Голоса в темноте.

– Заметь, стремителен и деликатен.

– На лицо годы тренировки...

Дима включил ночник над своей полкой.

– Да, школота. Я в хоре пел.

– Ха, не может быть.

– Серьезно. Нам сказали, что хористы через год поедут в Китай. Я очень хотел. Старался. Через год они вызвали мою маму и сказали, что мальчик сильно старается, но фальшивит еще сильнее, и из-за него вообще весь хор никуда не поедет.

– Ты расстроился?

– Из-за Китая да. Но «минус хор» сделал меня счастливым.

– И тогда ты понял, что иногда средства поганят цель?

– Да ничего я тогда не понял. Я был маленький и не мыслил еще такими категориями.

– ...Знаешь, что мне нравится в Москве? – спросил он после паузы.

– Пока нет.

– Здесь у каждого своя история прибытия. Расскажи свою, – он улыбнулся.

– О. Боюсь, что виски уже выветрились, и моя слезливая история...

– М, – сказал он, обжегшись чаем. – Так это будет слезливая история?

– Это была слезливая история, – ответила я.

– Давай, рассказывай. Сейчас три ночи – самое время для таких историй.

– Учти, ты сам напросился.

– Еще чаю?

– А давай.

Мы вышли в коридор и долили кипяток прямо в стаканы с разомлевшими пакетиками чая и дольками лимона, а затем сосредоточенно и молча шли обратно, шатаясь и боясь обжечься.

– Я весь внимание, – Дима устроился поудобнее.

– Хорошо... – я насыпала сахар в чай и помолчала.

* * *

В аудитории было жарко. Я сидела на широком подоконнике и смотрела во двор. Здание было построено квадратом, и собственно факультет журналистики занимал только два крыла, в третьем и четвертом жили обычные люди. Я смотрела в их окна. Кухни, шторы, абажуры. Во дворе курили абитуриенты.

Все окна были распахнуты, но это не помогало. Влажная гнетущая духота петербургского лета не давала вздохнуть. Я посмотрела вверх – туда, где между корпусов был виден серо-голубой квадрат неба. День был беременный, вот-вот грянет ливень, а я как всегда была без зонта.

Просторная и светлая аудитория с широкими столами на шесть человек каждый, в две колонны с проходом. Я подумала, что эта аудитория, факультет на Васильевском острове – все это выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой. Слишком хорошо, чтобы стать моим университетом. И все же слишком хорошо, чтобы я сдалась, не разбив руки – или голову – ради мечты учиться здесь.

Через месяц мне предстояло определиться с факультетом: журналистика или история. Учитывая, что украинский для меня второй родной, старославянский был проще простого, а история Восточной Европы приравнивалась к истории моей семьи. На исторический поступить без связей было легче, чем на журфак: конкурс был не такой большой. Но журфак был интересней.

В аудиторию вошла высокая женщина. Аккуратное каре, стильные очки, плиссированная летящая юбка в пол, легкая блуза и тяжелый сотуар чуть ниже груди. Быстрым уверенным шагом она прошла по проходу между рядами и, наконец, встала перед нами.

– Друзья мои, пожалуйста, рассаживайтесь, и давайте поскорее начнем. Меня зовут Арина Анатольевна, я буду читать вам курс русской литературы: обычно я преподаю его здесь и на филологическом факультете. Если, – она улыбнулась, – Когда вы станете студентами журфака, я буду также читать вам курс стилистики и вести семинарские занятия по публицистике – для тех, кто выберет кафедру теории рече-

вой деятельности и языка массовой коммуникации. Но об этом позже, а сейчас у меня к вам деловое предложение. Времени у нас с вами мало: курсы длятся две недели. Я могу маленько подробнее остановиться не на пушкиных, лермонтовых, маяковских и иже с ними, – Она произнесла имена нарочно низким голосом, так что все улыбнулись, – А на авторах, произведениях или периодах, которые вам не так хорошо знакомы. Как вы считаете?

Все согласились. Решили начать с современной литературы: она для нас была совершенно незнакомой, в то время как кто-то в группе сказал, что на журфаке серьезный творческий конкурс, и фору получают кандидаты, которые берутся писать на злобу дня.

Арина Анатольевна широкими мазками, свободно вела диалог с аудиторией о самых маститых авторах современности. Ее манера была не похожа ни на одного учителя или преподавателя, ни на одного человека, которого мне доводилось слушать раньше. Она сидела на краю первой парты – то есть, стола, – лицом к нам и периодически протягивала ладошку к кому-то, риторически вопрошая: «У себя в голове вы же так не рассуждаете, правда ведь. Вот и в тексте ...»

Лекция только началась, я понятия не имела о том, кто такая Людмила Петрушевская, и почему редакторы про нее говорили, что ее рукописи – это золотые яйца. Я просто поняла, что мне все равно, где и на кого учиться, лишь бы учиться у Арины. Она будто не пересказывала, а писала на наших

глазах рассказ, который мы все на той лекции вместе с ней проживали.

Я вышла из аудитории и позвонила Ване в полном восторге. Чтобы сообщить, что я определилась: хочу учиться на журфаке, на кафедре с очень сложным названием, где Арина читает курс стилистики и публицистики, которую я, вообще-то, раньше терпеть не могла.

– А потом пойду в аспирантуру! – выпалила я.

– С ума сошла? – усмехнулся Ваня.

– Почему это?

– Потом ты переедешь в Москву.

– Я ненавижу Москву.

– Да куда ты денешься, – уверенно ответил Ваня.

Через полтора года мы с ним расстались. Я ревела в подушку месяц. Однажды меня даже пришел утешать папа. Сидел рядом и вздыхал, гладил по спине, потом что-то говорил обрывками фраз. Я обнаглела в конец и курила в туалете по ночам. Родители делали вид, что не замечают.

В голове у меня на самом деле была только одна мысль – Ваня. Я встречалась с подругами, ходила в театры, гуляла по Петербургу, много читала – но все книги были написаны о нем, все актеры были похожи на него, все улицы Петербурга были давно исхожены с ним за руку, все подруги смотрели на меня участливо и иногда спрашивали, не объявился ли он.

Потом впала в анабиоз года на два. Не в буквальном смыс-

ле. Спала, ела, училась, работала корреспондентом на радио, потом в PR-службе страховой компании, писала речи руководству и заказные статьи в журналы. У меня случались романы, ни один из которых не оставил в памяти ничего – ни слова. Вела дневник, все из себя выписывала, выжимала до последней строчки самого скучного диалога. Меня окружали одни только герои, и каждое событие служило сюжетом, хотя никогда не оформлялось в рассказы, стоящие прочтения.

На втором курсе университета я написала первую повесть. Сюжет пришел из ниоткуда, питерским ветром в голову надуло, главный герой был похож на Ваниного лучшего друга, который мне нравился. Я подумала, что когда у меня была возможность, я выбрала не того парня. Рома был в меня влюблен, а Ваня... Эх.

Мне нравился сам процесс создания текста. Можно было придумывать все что угодно: взять героиню и сделать ей персональную бурю, и все прожить, все прочувствовать, прокричать, проплакать, просмеяться. Мне нравилось жонглировать словами, придумывая, как описать холодный рыжий свет фонаря в питерском парке, который несвежим апельсиновым соком лился на асфальт. Как-нибудь так.

Закончив, распечатала и дала прочесть папе: он был редактором окружной военной газеты, а мне нужна была рецензия. Рассказ лежал на его столе с моей подписью на первой странице.

К папе зашел его друг, писатель Аркадий Федорович, по-

свящавший свои произведения в основном бравым советским летчикам и воякам.

– Кто такая Инга, – спросил он.

– Моя дочь. Рассказ написала.

– Дашь почитать?

Через неделю Аркадий Федорович пригласил меня к себе в кабинет. Мы разговаривали с ним долго – о писательстве и о том, что помогает писать.

– Это большая честь, быть писателем, – сказал Аркадий Федорович. – Тебя будут читать другие люди. И ты, и они благодаря книгам сможете прожить не одну, а несколько жизней. Но времени мало. Лучше всего пишется, пока молодой, пока все отзывается в сердце рефреном, пока не заостенел окончательно и тело не подводит. Хватило бы сил все сказать, – улыбнулся он, показав стертые зубы. Его руки, жилистые и большие, покоились на столе, когда он говорил, пальцы были сомкнуты в замок. Я достала телефон, чтобы ответить на звонок – сказала, что перезвоню.

– Надо же, какой у тебя аппарат, – указал он на мой мобильный. – Мошшный!

Перед встречей я прочла несколько его рассказов, написанных совсем недавно, и меня ошеломило, что лексика и тон повествования были такими, как если бы автору было лет тридцать пять, не больше. Передо мной же сидел седой старик, лицо которого было исчерчено глубокими морщинами. Впадинами, а не морщинами, поперек лба.

– Ваша княжна Мэри, – осторожно предположила я, – это ведь реальная женщина, которую вы знали когда-то. И любили, мне кажется.

– Почему ты так решила?

– Градус повествования меняется каждый раз, когда речь заходит о ней. Меняется стиль, слова, в тексте проявляется какой-то нерв, будто вы волнуетесь, описывая каждую вашу встречу. И еще вы лукавите. Кажется, что умалчиваете о чем-то слишком личном, чтобы описывать это с позиции всевидящего автора. Даже кажется, что вы маскируете избыток чувств от «своих глаз». Может, я не права. Извините. В целом, рассказ написан очень жестко, но каждый раз, когда в центре внимания появляется та самая Маша, автор из нарратора превращается вдруг в человека – очень уязвимого.

– Видишь, как, – усмехнулся он и на секунду отвел взгляд, прежде чем продолжить. – Писатели – самые беспощадные читатели. Они копают. – Он сделал паузу, глядя мне в глаза, и вздохнул. – Я хорошо ее знал, и этот рассказ раздражает мою жену. Хотя дело было тридцать лет назад. Но, собственно, потому я тебя и пригласил. Ты писатель. Не хорони это в себе. Тебе нужна благоприятная среда.

– Разве ее выбирают?

– Еще как! – он хлопнул по столу ладонью. – Собственно, что я и должен тебе сказать. Тебе надо в Москву. Учиться в Литературном институте.

Мы говорили долго. О творчестве, работе, отношениях с

реальными людьми и героями, которым они послужили прототипом. Он сказал, что важно писать для кого-то, чтобы был человек, способный прочесть тебя от корки до корки, понять и прочувствовать, и чтобы ты знал, что именно ему будет интересно все, о чем ты пишешь. Тогда каждая строка обретает смысл и легкость, с которой ты способен повествовать, обращаясь к другу.

Я шла по Мучному переулку. Февраль выдался теплый, под ногами шуршал подтаявший лед. Мне захотелось позвонить Ване. Я всегда звонила ему, чтобы рассказать что-то важное. Это электрическое желание не исчезло даже после разрыва, и мне было жаль, что теперь оно неуместно. Зато я могла адресовать ему любое повествование – и даже тридцать лет спустя рассказывать ему все, что важно, даже зная, что он этого никогда не прочтет.

– Итак, ты решила поступать в Лит – и поступила? – Дима широко улыбался. – Таки во всем виноват Лит?

– Таки не так все просто. Тебе не надоело слушать?

– Нет. Мне нравится. Пойдем покурим и там продолжим.

Трясаясь в прокуренном тамбуре, я ежилась от холода и напрягала голос, чтобы перекричать лязг вагонов. И даже холод казался там металлическим.

– Прости, давай в купе продолжим?

– Саспенс нарастал, – иронично заметил Дима и согласился. Мы курили молча, загадочно улыбаясь, встретившись

глазами. Я думала, стоит ли рассказывать все это Диме. А потом решила, что черт с ним. Пока несет, останавливать себя бессмысленно. Расскажу. Одно из двух: либо мы станем друзьями, либо не станем. Мы вернулись в купе, и я продолжила.

* * *

Ваня позвонил в воскресенье утром, когда я была дома одна, и так запросто: «алло». Я села на пол с трубкой.

Мы распрощались за два года до этого звонка.

Накануне ночью я не могла уснуть и написала ему письмо: «Из моего прошлого мне дорог только ты». Не отправила, но подумала, что вечность бы отдала за возможность просто его обнять.

– Ты меня узнала?

– Нет.

– ...Правда?

– Нет.

– Я надеялся застать тебя дома.

– ...

– Как у тебя дела?

– Хорошо.

– Послушай... Я в Петербурге...

Два года, пока ничего не знала о нем и старалась забыть, я ждала его звонка. Вечером подходила к дому и еще из-за

угла смотрела, не стоит ли он у подъезда. Два года, в каждом по 365 дней, меня ждали разочарования.

– Мы... Можем встретиться? Подожди, не отвечай... Это не займет много времени, мне нужно всего несколько минут. Я должен тебе передать кое-что.

Я сидела на полу с трубкой в руках и смотрела в окно. Петербургское грязно-белое небо, как мокрое вафельное полотенце над головой.

– Ты еще здесь?

– Я киваю, – ответила я деловито и поднялась с пола. – Хорошо. Всего на пару минут. В пять буду в универе, встретить меня там.

Я ехала в университет, перечеркивая Петербург по диагонали, сосредоточенно отслеживала станции метро. В наушниках играла та же группа, что и месяц назад, но каждый звук теперь казался новым. Я будто была без кожи и живая, как никогда. Все клавиши пианино – прохладные, гладкие белые, узкие черные. Струны гитар пружинили и резали пальцы в кровь. Кружась в потоках сквозняков, я почти задыхалась. Хотела дольше задержаться в лимбе между прошлым и будущим, как во сне, где ничего не нужно решать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.